

АЛЕКСЕЙ ЕВТУШЕНКО

ЧУЖАК
ИЗ НИОТКУДА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Е27

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Михаила Федулова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Евтушенко, Алексей Анатольевич

Е27 Чужак из ниоткуда: роман / Алексей Евтушенко. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-166172-4

Судьбе было мало того, что ты оказался в теле подростка и в другом времени, отстоящем от твоего минимум на двести лет. Это ещё и другая планета! Значит, нужно вернуться домой. Любым способом. Невозможно? Всё возможно, если ты живёшь в лучшей стране на этой планете — Союзе Советских Социалистических Республик.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-166172-4

© Алексей Евтушенко, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пробуждение. Чужое тело. Лечи! Мальчишка. Союз Советских Социалистических Республик

— Котика он спасал.

— Не понял?

— Что здесь понимать. Стоял с одноклассницей у Полтавских ворот. Котёнок на дорогу выскочил. И тут на тебе — купец-афганец на «студере»-барбухайке¹ с грузом шерсти. Границу прошёл, на таможду торопился, чтобы до закрытия успеть — разгрузиться и назад. Там ограничение сорок, а он семьдесят пёр, козёл обкуренный.

— Ещё и обкуренный?

— Я ему огня не подносил, да только они по жизни обкуренные, сами знаете. Но раньше прокатывало, нашим они нафиг не сдались, лишь бы правила не нарушали и котиков не давили. А тут...

¹Украшенная и раскрашенная самым причудливым образом грузовая машина афганцев.

— Значит, он выскочил на дорогу котёнка спасать?

— Сам я не видел, одноклассница его рассказала. Мне его уже таким доставили — перелом свода черепа, практически несовместимый с жизнью, перелом позвоночника в двух местах — седьмой шейный и одиннадцатый грудной; множественные переломы левой кисти, четыре сломанных ребра... Это не считая гематом по всему телу и рваной глубокой раны на внешней стороне правого бедра. В общем, котика он спас, а сам... Жалко пацана, тринадцать лет всего. Вся жизнь впереди. Была.

— Понятно. И вы, опытный хирург, не смогли его спасти?

— Да, я — опытный хирург, это вы, товарищ майор, верно заметили. Более того, начальник этого госпиталя. Однако не бог и не волшебник. Сделал всё, что в моих силах, включая срочную трепанацию черепа, но... Будь под боком окружной госпиталь с его оборудованием, возможно, был бы шанс. Но где мы и где окружной госпиталь? У меня кислородному аппарату сто лет в обед, а койки войну помнят. Не Отечественную. Первую мировую. Хорошо хоть рентгеновский аппарат нормальный, иначе бы вообще хана.

— А вертолёт вызвать?

— А смысл? Он в таком состоянии транспортировке не подлежал. Ни по воздуху, ни по земле. Слушай, майор, кончай цепляться, в рапорте всё написано. Подробно. Я понимаю, работа

у тебя такая, но и ты пойми: пацан был не жилец. Мне ещё с родителями его говорить придётся. Как подумаю, так... Коньяка хочешь, майор? По пятьдесят. Самое время, учитывая обстоятельства. Как врач говорю.

— Хм. Не откажусь.

Стук. Лёгкое позвякивание. Звук льющейся жидкости.

— Ну, не чокаясь. Помянем раба божьего Сергея.

Тишина. Кто-то шумно втягивает ноздрями воздух. Выдыхает.

— Хор-роший коньяк. Не обманули.

— Раба божьего?

— Не бери в голову, майор. Я такой же коммунист, как и ты. Хоть и должен по всей истории моего рода быть правоверным мусульманином.

— Да нет, ничего. Просто... Кстати, об усопшем рабе божьем Сергее. Это правильно, что у него открыты глаза и он ими даже моргает?

— Что?!

Единственная попытка повернуть голову отозвалась такой страшной болью, что я чуть было не потерял сознание. На глазах выступили слёзы. Сквозь их мутную дрожащую пелену я разглядел два мужских силуэта, склонившихся надо мной. Подумал вытереть слёзы рукой, но оставил эту мысль, — если попытка повернуть голову привела к таким последствиям, то лучше не рисковать и вообще не двигаться. Пока хотя

бы. Тем более кто-то тут говорил о двух переломах позвоночника. Моего, следует понимать. Плюс черепная травма практически несовместимая с жизнью (теперь понятно, почему так болит голова) и прочее по мелочи. Однако я жив, что не вызывает ни малейших сомнений. Значит, поборемся.

Я сморгнул, видимость улучшилась. Крупный мужчина в белом халате и такой же шапочке. Рукава халата закатаны по локоть так, что видны сильные руки, густо поросшие черными волосами. Врач? Будем считать.

Другой, ниже ростом, без головного убора, с короткой стрижкой жидковатых русых волос, облачен в какой-то мундир глухого зелёного цвета. Военный? Может быть. Поверх мундира наброшен такой же, как у первого, белый халат. Как к нему обращался первый? Товарищ майор? Это воинское звание.

Стоп. Откуда я это знаю? Нет, не так. Откуда я знаю язык, на котором они говорят? Более того. Я готов поклясться, что никогда прежде этого языка не слышал...

Зададим себе другой вопрос. Где я и что вообще случилось?

Тем временем мужчина, которого я определил как врача, подошёл ближе, придвинул к себе табурет, сел и приложил большой палец к моему правому запястью (левое, перебинтованное, пульсировало болью).

Пульс считает, догадался я, исподволь разглядывая его рыхловатое лицо, на котором вы-

делялись внимательные, чуть навывкате, карие глаза и крупный мясистый нос.

— Сто двадцать, — сообщил носатый врач, обернувшись к своему собеседнику. — Много, но не критично. Если бы не видел своими глазами, то сказал бы, что так не бывает. Однако вот оно... — Он умолк и опять склонился ко мне. — Ты меня слышишь? Если не можешь говорить, просто моргни. Один раз — «да», два — «нет». Слышишь меня?

— «Да», — моргнул я.

Проверять, могу я говорить на этом языке или нет, не стал. Сначала разберёмся хоть немного в происходящем, потом говорить будем.

— Сейчас я посвечу тебе в глаза, старайся держать их открытыми. Хорошо?

— «Да».

В руке врача появился фонарик. Луч света коснулся сначала одного глаза, затем другого. Понятно, реакцию зрачков проверяет.

Фонарик исчез.

— Рот можешь открыть?

— «Да». — Я моргнул один раз и открыл рот.

— Язык в норме. Сомкни зубы и улыбнись так, чтобы я их видел.

Я оскалился.

— Хорошо. Боль чувствуешь?

— «Да», — моргнул я.

— Сильную?

— «Нет», — дважды моргнул я.

Это было неправдой, но сильнодействующих лекарств я не хотел. Попробуем справиться

ся сами, это надёжнее и полезнее для моего организма. Который, как мне кажется, и не мой вовсе.

«Жалко пацана, тринадцать лет всего», — так сказал носатый врач, хорошо помню. Пацан — это я, и мне тринадцать лет. Это не слишком много, с учётом того, что средняя продолжительность жизни здесь около семидесяти лет. Плюс-минус. Не спрашивайте, откуда я это знаю. Оттуда же, откуда язык и, вероятно, многое другое. Надеюсь. Но это всё потом, а пока необходимо заняться поломанным организмом. Как можно скорее.

— Хорошо, — сказал врач. — Хотя и весьма странно. Но самое главное, что ты жив. Остальное починим, не сомневайся. Это я тебе говорю, подполковник медицинской службы Алиев Ильдар Хамзатович. Веришь мне?

— «Да», — моргнул я.

— Это правильно, — улыбнулся он. — Порадовал ты меня, Сергей свет Петрович, если честно. Не ожидал. Лежи пока, отдыхай, я скоро вернусь. Пойдёмте, товарищ майор, поговорить надо...

Они вышли.

Сергей свет Петрович. Это он так меня назвал, на старинный манер. Значит, меня зовут Сергеем, а моего отца — Петром.

«Кемрар, — произнёс в голове внутренний голос. — Тебя зовут Кемрар. Кемрар Гели. Тебе тридцать два года, и ты — инженер-пилот экспериментального нуль-звездолёта “Горное эхо”».

Произнёс совсем на другом языке. Моём родном. Но ведь и тот язык, на котором говорят этот врач, Алиев Ильдар Хамзатович, и товарищ майор, я прекрасно понимаю. Мало того, я только что на нём думал, даже не осознавая этого...

Что происходит, я с ума сошёл? Раздвоение личности? Ага, и тело заодно. Ты — тринадцатилетний мальчишка, который кинулся спасать котёнка из-под колёс «студера», за рулём которого сидел обкуренный купец-афганец, и чуть не погиб. Зовут тебя, как уже выяснилось, Сергей. Отчество — Петрович. Фамилия...

Ермолов, всплыло в мозгу. Сергей Петрович Ермолов. А «студер» — это «студебеккер», марка грузового автомобиля. Не нашего, американского. Купец-афганец — подданный страны под названием Королевство Афганистан. Это наш сосед на юге, мы с ним торгуем и вообще.

И одновременно ты — инженер-пилот экспериментального нуль-звездолёта «Горное эхо» Кемрар Гели, тридцати двух лет от рождения.

Попытка совместить эти два несовместимых знания и вспомнить что-нибудь ещё привела лишь к тому, что головная боль резко усилилась. Нет, так не пойдёт. Сам же сказал: первым делом разобраться с поломанным организмом. Всё остальное — потом.

Закрыв глаза, привычно расслабился, стараясь вытеснить из раскальвающейся головы любые мысли. Теперь медленный, от живота, вдох и такой же выдох. Вдох и выдох. Вдох и выдох.

Перед внутренним взором — спокойные воды реки, неспешно бегущие между низких берегов. Но одном — луг. На другом — лес, плотную подступающий к берегу. Я сижу в траве на том берегу, где луг, и смотрю на воду и лес. Вода течёт, листва шумит под лёгким ветерком. Лето. Покой. Боль уходит, уходит, уходит в текущую воду, уплывает вместе с ней подальше от меня; вот уже почти вся ушла, осталось совсем чуть-чуть.

Хватит, всей утекать не надо, пусть малая толика останется. Как сигнал, что ещё не все в порядке. Теперь убираем воображаемую реку и перекключаем внутренний взор.

Так. Багровое горячее пятно в районе головы — трещина в черепе, слева. Начинается в височной части, тянется до теменной. В височной — звездообразный пролом, крупный треугольный обломок кости вдавился в мозг, но уже поставлен на место. Мелкие осколки убраны, гематома осталась, но лишнюю кровь откачали. Вовремя, скажем прямо. Не будь этого, я бы, пожалуй, умер по-настоящему. Спасибо тебе, умелый хирург Алиев Ильдар Хамзатович. Коммунист, так и не ставший мусульманином (забавно, но, кажется, я понимаю значение обоих слов). Главное — мозг функционирует. Главнее не бывает.

Что ещё? Два багровых, пульсирующих болью пятна в районе позвоночника. Перелом двух позвонков. Без смещения. Уже хорошо, хоть и больно. Спинномозговые нервы целы.

Ну, почти. Хорошо, что не разорваны, хотя справился бы и с этим.

Левая кисть. Из восьми костей запястья сломаны четыре. Всё уже вправлено и зафиксировано. Опять же, спасибо товарищу военврачу.

Рваная глубокая рана на внешней стороне бедра. Зашита, обработана, перебинтована. Спасибо.

Рёбра. Три слева, одно справа. Здесь тоже всё зафиксировано, слава Создателю.

Создателю? Какому ещё Создателю? Богу, что ли? Бога нет, это вам любой советский пионер скажет. Или товарищ майор.

Отставить советских пионеров, что бы это ни значило, бога и всё остальное вместе с товарищем майором. Сосредоточься. Только переломы, раны и травмы. Сутки глубокого сна, и станет легче. Лучше — двое суток.

Это не моё тело, уже ясно. Или тело, которое я по каким-то причинам не воспринимаю как своё. Но это человеческое тело, и управлять им я могу практически как своим. Сейчас дадим команду на излечение — и спать. Глубокий долгий сон — вот всё, что мне сейчас нужно. Мозг справится сам. Надеюсь.

Я послал мысленный сигнал в гипоталамус, активируя и усиливая его работу. Это не слишком трудно, когда знаешь, как это делать. Я знал. И второй — в продолговатый мозг, самую древнюю часть человеческого мозга, в которой сосредоточена память миллионов лет эволюции. Третий — в мозжечок. Четвёртый —

в спинной мозг. Хватит, пожалуй. Дальше они сами.

Лежал с закрытыми глазами, прислушиваясь к тому, как поднимается внутри организма прохладная волна, наполненная тысячами, сотнями тысяч мельчайших, несущих радость и здоровье невидимых пузырьков (воображаемые пузырьки в воображаемой волне, но какая разница, если это работает, верно?), и медленно погружался в сон.

За дверью бубнили. Я смутно различал голос Алиева и товарища майора. К ним примешивался ещё один — женский, очень знакомый. Голос, полный любви и тревоги. Тревоги и любви.

«Мама», — успел подумать я, прежде чем уплыть в страну сновидений. Но перед тем как соскользнуть туда окончательно, самым краем ещё бодрствующего сознания понял: слово «мама» звучит одинаково на обоих языках, которыми я владею, и значит одно и то же.

Её — маму — я и увидел, когда снова открыл глаза. То, что эта молодая симпатичная женщина, которой, вероятно, нет и сорока, моя мама, понял сразу. Нет, я её не узнал. Но понял, догадался, что это она. Точнее, мама Сергея Ермолова, в чьём теле я оказался.

Этот момент — нахождение в чужом теле — я тоже осознал быстро и окончательно. Как и то, что шизофренией — так называют здесь психическую болезнь, при которой больной испытывает раздвоение личности, — я не болен. Во всяком

случае, мне так кажется. Правда, я почти ничего не помню о себе — Кемраре Гели, тридцатидвухлетнем инженере-пилоте экспериментального нуль-звездолёта «Горное эхо», но очень надеюсь, со временем память вернётся. Потому что о бывшем хозяине этого тела — советском пионере Сергее Ермолове — я тоже почти ничего не знаю и не помню. Например, моего папу зовут Пётр. А маму? Уже не говоря о том, где мы с мамой сейчас находимся.

«К чёрту подробности. На какой планете?» — вспомнился старый анекдот.

О, анекдоты пошли, уже легче. Если дальше так пойдёт, глядишь, на самом деле вспомню, на какой я планете. Потому что точно не на моей. Здесь всё другое, начиная от примитивной медицины и воинских званий и заканчивая коммунистами, мусульманами и советскими пионерами. Нет у нас ничего из этого. За исключением, вероятно, примитивной медицины, приёмами которой владеет любой нормальный врач.

А что есть? Не помню. Но точно помню, что этого нет. Ладно, оставим пока. Как и тот факт, что я очнулся в другом теле. Примем как должное, а серьёзно над этим подумаем потом, когда будет больше информации.

Кстати, об информации и о теле. Самочувствие меня информирует, что тело почти восстановилось. На девяносто восемь процентов, скажем так. Там, где было сломано, срослось. Где разорвано — тоже. И ничего не болит. А вот чешется — это да, сильно.